

О. В. Спачиль*

Кубань и Кавказ в художественных произведениях М. Горького: рассказы, цикл «По Руси»

Рассказы, написанные М. Горьким по впечатлениям от пеших путешествий по России, Кубани и Кавказу, публиковались на протяжении всей жизни писателя, они составляют важнейшую часть творческого наследия М. Горького и дают четкое представление о его художественном методе и мировоззрении. Кубань и Кавказ мы видим глазами босяков, бродяг, попрошаек и самого рассказчика. Плодородные земли, прекрасные просторы, по мнению М. Горького (его повествователь открыто автобиографичен), отданы не тем, кому следовало бы, поэтому «людишек» следует переделать, а горцев — «обесцветить», «укротить», «охладить гордый пыл их диких душ». Повествователь не скрывает своих симпатий — они на стороне бродяг, и дает запоминающиеся образы свободных людей, не связанных никакими обязательствами и должностностями. В художественном отношении рассказы принадлежат к лучшему, что вышло из-под пера М. Горького.

Ключевые слова: М. Горький, Кубань, Кавказ, рассказы, цикл «По Руси», казаки, босяки и бродяги.

Двадцать девять художественных произведений М. Горького (Пешков Алексей Максимович, 1868—1936), написанных в 1912—1917 гг., объединены им в 1923 г. в цикл «По Руси». Цикл включался во все собрания сочинений писателя, изданных в СССР. Свое пешее путешествие сам Горький как-то назвал «длительной прогулкой по России и Кавказу» [10, с. 246]. Действительно, «прогулка» была долгой — начав свое путешествие по России в Нижнем Новгороде в апреле 1891 г., он завершил его в ноябре в Тифлисе. В тот год А. Пешков прошел донские степи, Малороссию, Бессарабию, Крым, Кубань, Терек. Зиму 1891/92 г. он провел

* СПАЧИЛЬ Ольга Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия. Электронная почта: spachil.olga0@gmail.com

в Тифлисе, где и родился знаменитый псевдоним. Максим Горький — так был подписан опубликованный 12 сентября 1892 г. в газете «Кавказ» рассказ «Макар Чудра».

В произведениях и письмах М. Горького упоминаются районы Анапы, Новороссийска, Геленджика, города Майкоп, Армвир, станицы Ханская, Лабинская, долины рек Кубани, Лабы, Белой. Из Армавира будущий писатель направился через станицы Солдатскую и Георгиевскую в Терскую область, где работал на строительстве железной дороги Беслан — Петровск.

Летом 1892 г. писатель снова отправился в странствования, на этот раз по Черноморью. «Строил вместе с голодающими шоссе Сухуми — Новороссийск. <...> Сохранился документ, свидетельствующий о том, что Горький летом 1892 г. работал на сооружении шоссеиной дороги Геленджик — Пшава» [17, с. 574–575]. Примечательно, что шоссе, на строительстве которого были задействованы рабочие из центральных областей России, носило название Анненское «голодное шоссе». В дореволюционных путеводителях по Кавказу это название объяснялось началом постройки шоссе в первый «самарский» голодный год» [19, с. 393].

Впечатления о пребывании на Кубани и Черноморском побережье отразились также в рассказах «Дед Архип и Ленька» (1893), «Мой спутник» (1894), «Челкаш» (1895), «Мальва» (1897), «В степи» (1897), «Чужие люди» (1923), очерке «Два босяка» (1894), которые в цикл «По Руси» включены не были. Этот список можно дополнить стихотворением «В Черноморье» (1903) [12, т. 2, с. 35–37]. Стихотворение впервые напечатано в «Самарской газете» (1895, 2 апр.), в прижизненные собрания сочинений не включалось.

Большинство рассказов из цикла «По Руси» было опубликовано более чем через двадцать лет после пеших путешествий, накануне революционных событий 1917 г. в России. К этому времени уже почти пятидесятилетний писатель поль-

зуется всемирной славой, необычайно популярен в России, имеет огромный авторитет среди интеллигенции и революционно настроенных слоев населения. Темы и проблемы, намеченные в более ранних рассказах, получили в цикле свое законченное выражение и дают полное представление о художественном методе писателя и его мировоззрении. Значимость цикла отмечал наш земляк, советский ученый-литературовед Л. А. Степанов: «Произведения эти принадлежат к числу самых значительных в творчестве Горького. <...> Рассказы, составившие цикл “По Руси”, — горьковское слово в сумятице разноречивых суждений по поводу исторического пути России, перспектив народного быта и национального развития» [29, с. 11]. В 1985 г. в «Краснодарском книжном издательстве» вышел составленный Л. А. Степановым сборник рассказов М. Горького, написанных по впечатлениям от пребывания на Кубани и Кавказе.

Персонажи М. Горького. Правду о бродячем народе еще в начале своего путешествия М. Горький услышал от Софии Андреевны Толстой. Самого Л. Н. Толстого в Хамовниках, куда зашел путешественник, не оказалось: он ушел в Троице-Сергиеву лавру. Супруга писателя, вспоминает Горький, «отвела меня в кухню, ласково угостила стаканом кофе с булкой и, между прочим, сообщила мне, что к Льву Николаевичу шляется очень много “темных бездельников” и что Россия вообще изобилует бездельниками» [10, с. 230]. Понятно, что слова С. А. Толстой относились и к самому непрошенному гостю, но Горький на свой счет их не принял. Далее в воспоминаниях читаем: «Я уже сам видел это и, не кривя душой, вежливо признал наблюдение умной женщины совершенно правильным» [10, с. 230].

После возвращения из Тифлиса М. Горький встретился с В. Г. Короленко, показал ему свои напечатанные произведения и рассказал о том, что видел: «...я коснулся моих встреч с различными искателями правды — они сотнями шагают из города в город, из монастыря в монастырь по запутанным дорогам России.

Глядя в окно, Короленко сказал:

- Чаще всего они — бездельники. Неудавшиеся герои, противно влюбленные в себя. Вы заметили, что почти все они злые люди? Большинство из них ищет вовсе не “святую правду”, а легкий кусок хлеба и — кому бы на шею сесть.

Слова эти, сказанные спокойно, поразили меня, сразу открыв предо мною правду, которую я смутно чувствовал» [10, с. 256].

М. Горький не мог не признать правоту слов В. Г. Короленко, который знал жизнь и людей не понаслышке, но именно маргиналы дороги писателю, они «интереснее» скучных тружеников, «обычных уездных людей», которые почему-то казались писателю холодными и предельно жестокими. Асоциальные типы оказались в центре писательского внимания, притягивали его «с таинственной силой магнита».

«...Русь изобилует неудавшимися людьми, я уже немало встречал их, и они всегда, с таинственной силой магнита, притягивали к себе мое внимание, — пишет Горький в рассказе «Губин» (1912), — они казались интереснее, лучше густой массы обычных уездных людей, которые живут для работы и ради еды, отталкивая от себя все, что может оторвать кусок хлеба, все, что мешает вырвать его из некрепких рук ближнего. Угрюмо замкнутые, с одеревеневшим сердцем и со взглядом, всегда обращенным в прошлое, или фальшиво добродушные, нарочито болтливые и, — будто бы, — веселые, но холодные изнутри, серые люди, они поражали своей жестокостью, жадностью, волчьим отношением ко всему в жизни» [12, т. 11, с. 47].

Персонажи большинства горьковских рассказов — представители деклассированных слоев населения: бродяги, нищие, проститутки, уголовные элементы и другие асоциальные личности. Глазами этих людей мы и видим Кубань и Кавказ. Голос повествователя в рассказах слышен наряду с голосами персонажей. Рассказчик — это второе «я» автора — автобиографически открытый образ «проходящего», за которым скрывается М. Горький. В сентябре 1912 г., думая об общем

заглавии для своих рассказов, М. Горький пишет Д. Н. Овсяннико-Куликовскому: «Не знаю, как озаглавить мне очерки, посланные Вам. Я имел дерзкое намерение дать общий заголовок “Русь. Впечатления проходящего”, — но это будет, пожалуй, слишком громко. Я намеренно говорю “проходящий”, а не “прохожий”: мне кажется, что прохожий не оставляет по себе следов, тогда как проходящий — до некоторой степени лицо деятельное и не только почерпающее впечатления бытия, но и сознательно творящее нечто определенное» [12, т. 29, с. 251].

Отличие новых земель, вошедших в состав Российской империи в конце XVIII — начале XIX в. бросалось в глаза — иной климат, растительность, быт автохтонного населения — все это вызывало и интерес, и отторжение у выходцев из российской глубинки. Кубань и Кавказ славились своим теплым климатом и обильными урожаями. С этими местами связывали мечты о заработках: «Думал было я: вот, мол, на Кубань-то пойду, рублей дваста тяпну, — шабаш! барин!.. Ан не выгорело», — рассказывает крестьянский парень Челкашу в одноименном рассказе [12, т. 1, с. 365]. Новая местность в произведениях Горького часто осмысливалась как «чужая», враждебная и противопоставлялась «своей», «родной».

Вынужденное пребывание на Кубани мучительно для деда Архипа и его внука Леньки, все вокруг чуждо и недружелюбно. Река пугает своей быстрой и мутной водой. В жаркий день хотелось бы искупаться, но река воспринимается олицетворенным чудовищем, желающим утопить Леньку: «Быстра больно река-то! Нет у нас таких рек. Чего треплет? Бежит, точно опоздать боится... Али ты думаешь не стащит она тебя? И утонем оба. — А ведь верно! — откликается дед, — стащит. Ишь, как прет...» [12, т. 1, с. 144].

Главный топос юга — степь с его доминантами — то полями, дорогой, станицами — все это для героев рассказа «Дед Архип и Ленька» (1894) таит в себе угрозу, наводит тоску и ужас. Дорога, уводящая в степь, «беспощадна

пряма, суха и наводила уныние» [12, т. 1, с. 142]. Степь «громадная, бурая, сожженная солнцем» [12, т. 1, с. 143]. лежит беззвучно. Жара накрывает пеленой степного марева, обманом втягивает деда в свое пространство с единственной целью — погубить: «...эта жара да степь отнимают у него и зрение, как отняли остатки силы в ногах» [12, т. 1, с. 143]. Восприятие степи Ленькой пока еще отличается детской любознательностью и открытостью. Вглядываясь в степь, мальчик ждет, когда на горизонте появятся трубы прекрасного города, «населенного невиданными им добрыми людьми», где не нужно будет просить подаяние — «сами дадут, без просьб» [12, т. 1, с. 158]. Внук люмпена работником в этом городе будущего себя представить не может, он и там будет жить на милостыню.

На бытовом уровне вновь присоединенные к Российской империи земли Россией не считались и даже противопоставлялись ей: «Раньше-то за одно погляденье на русского человека там трешку платили, — шутит Челкаш. — Придешь в станицу — русский, мол, я! — Сейчас тебя поглядят, пощупают, подивуются и — получи три рубля!» [12, т. 1, с. 363].

«Своих» жалко, хотя они и люди никчемные. В рассказе «Женщина» (1913) М. Горький прямо пишет, что «все эти “русские” — из центральных губерний, они дочерна сожжены непривычным солнцем юга, волосы их выгорели, ветер ершит и треплет их лохмотья, все они притворяются смиренными, благочестивыми». Эти два десятка человек, «шляющиеся за работой» — «никудышний народ», «лентяи, опьяненные широким простором богатой земли, пленники русской страсти к бродяжничеству. Они ходят группами в два-три человека из станицы в станицу, именно “за работой”, смотрят на нее, удивляются ее обилию, но работают только в крайней нужде, когда уже нет возможности утолить голод иными способами — попрошайничеством или воровством» [12, т. 11, с. 126]. Среди бродяг есть и женщины, некоторые из них еще способны мечтать о доме, о семье, об оседлой

жизни, но нет тех мужчин, с которыми можно было бы эти мечты осуществить. Женщины только объект для сексуальных домогательств, они подвергаются со стороны своих же русских мужчин злоупотреблениям и побоям, их не ценят, они не нужны: «Да-а, — задумчиво тянет Конев, — один из персонажей рассказа «Женщина», — разбираясь в своей котомке. — Теперь баб очень просто покидают, ни к чему они в этом годе, ничем...» [12, т. 11, с. 127]. Понятно, что никакой оседлой жизни с такими мужчинами не заведешь, и разговоры о деревне возле Нового Афона, о саде, огороде и пашне, которые ведет героиня рассказа Татьяна из Рязани, так и останутся грезами, что люди эти так и будут продолжать жить «в безгласии и ничтожестве, в неисчислимых обидах нищеты и глупости» [12, т. 11, с. 146].

М. Горький сочувствует своим героям, понимает их неприкаянность: «Большинство людей, среди которых я иду по земле, — не то восходя, не то опускаясь куда-то, — серо, как пыль, мучительно поражает своей ненужностью» [12, т. 11, с. 128]. «Русский человек — легкий, ежели он себя не забудет куда-нибудь в одно место по самую голову, то обязательно летит, ветром гоним, подобно куриному перу» [12, т. 11, с. 74]. Вот в одной из станиц «люди прижались к церковной ограде, как сор, согнанный степным ветром и готовый снова выкатиться в степь на волю его. Трое спят, некоторые чинят одежду, бьют паразитов, нехотя жуют черствый хлеб, собранный под окнами казачьих хат» [12, т. 11, с. 130].

Метафоры и сравнения создают художественный образ бездомности, органичной неспособности жить на одном месте, пускать корни, вить гнезда, трудиться и воспитывать детей. Эти люди уподобляются «сухим листьям осени», «куриному перу», «пыли», «сору». В рассказе «Рождение человека» (1912) Горький точно указывает место действия: «Это было в 92-м, голодном году, между Сухумом и Очемчирами» [12, т. 11, с. 7]. Далее повествует о людях, с которыми встретился на дороге: «Это — скучные люди, раздавленные

своим горем, оно сорвало их с родной, усталой, неродимой земли и, как ветер сухие листья осени, занесло сюда, где роскошь незнакомой природы — изумив — ослепила, а тяжкие условия труда окончательно пришибли этих людей. Они смотрели на все здесь, растерянно мигая выцветшими, грустными глазами, жалко улыбаясь друг другу, тихо говоря: “А-яй... экая земляща...” “Прямо — прет из нее”. “Н-да-а... а однако — камень ведь...” “Неудобная земля, надобно сказать...”» [12, т. 11, с. 9].

В очерке «Два босяка» (1894) описаны события, когда сотни голодающих из центральных областей России шли на Кубань и на Кавказ в поисках работы и хлеба. Среди них выделяются босяки, которых можно легко узнать «по костюмам и по рисовке, и по той бесшабашной независимости, с которой они держались среди пришибленных голодающих» [12, т. 1, с. 391]. Эти босяки пробавляются воровством, все что они зарабатывают случайным трудом, быстро спускается в кабаках и закопченных трактирах, где стоит «тяжелый, опьяняющий шум» и висят «облака табачного дыма». Бродяги, они не связывают себя никакими обязательствами и носятся, как перья, «куда ветер подует». Незамысловатую жизненную философию босяков прямолинейно выражает Степок: «Он <человек> как перо: куда ветер подует — там оно и будет. Выходит — наплевать на все! Знай себе летай веселей, безо всяких соображений. О чем соображать? Как ни живи — издохнешь. Да и издохнешь-то неизвестно когда, — может, сейчас, а может, завтра» [12, т. 1, с. 398].

«Русская страсть к бродяжничеству», или дромомания как симптом. Хождение по земле как жизненный принцип декларировано в увидевшем свет именно во время пеших походов М. Горького рассказе «Макар Чудра» (1892): «Ты славную долю выбрал себе, сокол. Так и надо: ходи и смотри, насмотрелся, ляг и умирай — вот и все! <...> Так нужно жить: иди, иди — и все тут. Долго не стой на одном месте — чего в нем? Вон как день и ночь бегают, гоняясь друг за другом, вокруг земли, так и ты бегай от дум про

жизнь, чтобы не разлюбить ее» [12, т. 1, с. 9–10]. Это слова старого цыгана Макара Чудры. Повествователь ему не возражает, а с симпатией излагает жизненную позицию кочевника: «И все работают. Зачем? Кому? Никто не знает. Видишь, как человек пашет, и думаешь: вот он по капле с потом силы свои источит на землю, а потом ляжет в нее и сгниет в ней. Ничего по нем не останется, ничего он не видит с своего поля и умирает, как родился, — дураком» [12, т. 1, с. 10]. Рассказ романтизирует и воспекает вольную жизнь бесстрашного удалого конокрада Лойко Зобара и «дьявольски красивой» Радды. Повествование заканчивается «мрачным и торжественным гимном гордой паре красавцев-цыган», не оставляя сомнений, на чьей стороне автор.

Солдат по фамилии Лакутин из рассказа «В степи» (1897), «добрый и опытный мальчик, типичный бродяга», глядя в ночное небо юга, рассказывает повествователю, что доволен своей долей: «Люблю я, друг, эту бродяжнюю жизнь. Оно и холодно, и голодно, но свободно уж очень... Нет над тобой никакого начальства...» Менять что-то в жизни солдат не собирается, его жизненное кредо выражено ясно: «Ходи, знай, по земле и никому не поддавайся...» [12, т. 3, с. 318].

Некоторые из персонажей рассказов «По Руси» понимают свою неприкаянность, тяготятся ею, осознают свою неспособность к плодотворному труду, но поделаться с этим ничего не могут. Одним из таких людей является представившийся Василием Павел Силантьев из рассказа «В ущелье» (1913): «Нет, тихо заговорил он, я ни в каком месте не могу долго жить, все мерещится, что лучше есть. У меня в сердце птица поет иди, иди!

- Это во всяком поет, угрюмо отозвался солдат.

Поочередно глядя на нас, Василий негромко засмеялся:

- Во всяком? А ведь это неладно! Ведь это значит бездельники мы и норовим на готовое. Сами-то, значит, ничего того лучше, что есть, не можем сделать, а — подай нам!» [12, т. 11, с. 171].

М. Горький обвиняет во всех бедах своих героев социальное устройство царской России. Почти все мысли писателя — о том, как переустроить жизнь на справедливых началах. Не чужд М. Горький и интереса к вопросам психического здоровья, в письме к В. И. Харциеву от 23 мая 1912 г. читаем: «Надо бы нам заняться изучением корней психики и мироощущения народа-то нашего!» [12, т. 29, с. 241]. Сегодня, будь самокритичный Силантьев врачом-психиатром, для обозначения одного из симптомов расстройства психики он мог бы использовать термин «дромомания», под которым принято понимать склонность к бродяжничеству, импульсивное влечение к скитанию и перемене мест. Позже из рассказа мы узнаем, что Василия на самом деле зовут Павел Николаевич Силантьев, у него есть паспорт и «все, как следует». На свой вопрос «Чего ты ходишь?» рассказчик слышит уже привычный ответ: «Да... так как-то! Глядел-глядел, махнул рукой, а — ну вас! И пошел, пером по ветру...» [12, т. 11, с. 173].

Распространенной причиной возникновения бродяжничества служит какая-то психическая травма, перенесенная в ранней молодости. Начав скитаться, человек, как правило, уже не может остановиться. М. Горький собирал газетные заметки на тему о людях, «сознательно ушедших от “нормальной” жизни» [12, т. 15, с. 184]. К 1905 г. у писателя собралось около 30 заметок такого рода, одну из них под заголовком «Оригинальный бродяга» Горький приводит в рассказе «Чужие люди» (1923). Герой этого рассказа доктор Рюминский, начав во время учебы на медицинском факультете препарировать трупы, «задумался о ничтожестве человека, почувствовал чью-то злую иронию... и... стала развиваться брезгливость к людям и отвращение к себе, человеку, который обязан быть трупом» [12, т. 15, с. 181]. После учебы последовала несчастливая женитьба, затем доктор начал бродить, не делая никакой работы: «Я не идиот, я не работаю» [12, т. 15, с. 185]. В рассказе он собирает вокруг себя простых людей и пугает их жутковатыми рассказами

о чертях — голландских, драповых, о чертях колокольного звона и лунных ночей.

Аналогична философия Алексея Калинина из рассказа «Калинин» (1913): «Пускай каждый живет как хочет, без принуждения!» В молодости над Калининым посмеялась возлюбленная, с тех пор он бродяжничает. Дошел до Кавказа, встретил в Баку старца, который утвердил Калинина в мыслях, что нужно любить одного Христа и «не надобно связывать душу свою: ни службой, ни имуществом, ни женщиной, ниже иным преклонением пред соблазном мира...» [12, т. 11, с. 203]. «Христос» Алексея Калинина весьма своеобразен: «бездомный и надземный... Был он не для низких и не для высоких, а — как все великие справедливыцы — ни туда, ни сюда! А когда с Юрием, да Николою ходил по земле русской, по деревням, то даже и не вмешивался в дела их» [12, т. 11, с. 205–206]. Этот соблюдающий строгий нейтралитет «Христос» Калинина обратил злых бесов в добрых. Так на земле появились «Гиман, Димон, Игамон, Змиулан», а «малярную лихорадку», по теории Калинина, наслал на людей костромской маляр, которому не заплатили за работу.

Девиантное поведение не является прерогативой определенной этнической общности, но у М. Горького выделена какая-то особенная «русская страсть к бродяжничеству», которую провозглашает как основную линию поведения встретившийся в Бессарабской степи старый цыган. Что в дромомании типично русского, кроме того, что действие происходит в России? И почему это не цыганская страсть, если уже нужно непременно выделить национальную составляющую? Ответов в рассказах мы не нашли.

Босяки и казаки. Вернемся, однако, к хождениям по Кубани и Кавказу. Вот навстречу праздно шатающимся «русским» едут с возами обмолоченного хлеба те, кто пустил корни в этой земле: «...в пыли черной и жирной, как сажа, степенно и тяжело шагают круторогие сивые волю, глядя в землю терпеливым взглядом круглых глаз; на возу лежит казак, в серой от пыли рубахе, мохнатая папаха сдвинута

на затылок, лицо черно от загара, глаза красны от ветра, а борода склеена потом, пылью — точно каменная. Иногда казак идет впереди воза, у ярма; ветер толкает его в спину, раздувая рубаху; человек также гладок и солиден, как вол, и глаза у него такие же терпеливо-умные; двигается он не торопясь, как будто знает все, что ждет его впереди. <...> У них хороший урожай в этом году, все они — здоровые, сытые, но смотрят хмуро, говорят неохотно, сквозь зубы» [12, т. 11, с. 125]. Вот еще один портретный набросок казака: «Нос у него уродливо широк, круглые глазки заплыли жиром, лысая голова напоминает башку сома» [12, т. 11, с. 132]. Мнение рассказчика полностью разделяют и персонажи рассматриваемых рассказов: «Действительно, земляца тут богатая, а с людьми я не согласен... никак! — размышляет бродяга Конев. — В нашем краю народ куда те душевнее, настоящий русский народ, равенья нет со здешними! Тут — кремни, тут души и на трешник нет!» [12, т. 11, с. 126–127].

Казаки в восприятии персонажей, равно как и в восприятии рассказчика, звероподобны — мохнатые шапки надвинуты на одно ухо, глаза налиты кровью, они гикают, а не кричат, их песни сопровождаются свистом. Сытость и здоровье этого народа, с одной стороны, воспринимаются с чувством зависти и ненависти, а с другой стороны, являются еще одним аргументом для уподобления их полумифическим животным, даже не кентаврам, а гибридам человека, арбы и лошади: «Пронзительно скрипя, на песок въехала арба. В ней стоял казак и, закинув голову в мохнатой, надвинутой на одно ухо шапке, приготовлялся гикнуть, вбирая в себя открытым ртом воздух, отчего его широкая, выпяченная вперед грудь выпячивалась еще более. Белые зубы ярко сверкали в шелковой раме черной бороды, начинавшейся от глаз, налитых кровью. Из-под расстегнутой рубахи и чохы, небрежно накинута на плечи, виднелось волосатое, загорелое на солнце тело. И от всей его фигуры, прочной и большой, как от лошади, мясистой, пегой и тоже уродливо большой, от колес арбы, высоких, стяннутых толстыми шинами, — разило сытостью,

силой, здоровьем» [12, т. 1, с. 147]. У этого страшного, «уродливо» большого зверя «могучая глотка», толстые ноги, красные «рожи». «Двое здоровых, краснорожих казаков, упираясь толстыми ногами в пол парома, с треском тянули его о берег... <...> Измучили они нас с тобой... Звери!» [12, т. 1, с. 148–157]. Таков вывод деда Архипа после того, как казаки его с внуком Ленькой не только переправили через Кубань на пароме, подвезли на арбе до станицы, предложили ночлег, но и подали щедрую милостыню.

Читатели помнят, чем отблагодарил дед казаков — украл у одного из них кинжал (окна нараспашку, двери не запирались) и завернул в синенький платочек, также украденный у маленькой девочки. Нравственная чуткость писателя не позволяет ему заставить 11-летнего Леньку одобрить поступок деда — воровство отвратительно нарушением вековых запретов, обидами, наносимыми людям. Вся неприглядность поступка деда воплощена для внука в образе горько плачущей девочки-сироты.

Нелегко достается казакам пшеничный хлеб, который они щедро подают попрошайкам. При этом бродягам, нанявшимся на работу, ничего не стоит учинить пожар и сжечь урожай. В рассказе «Два босяка» (1894), где описано трагическое событие, происшедшее в станице Ханской, Степок со злобой говорит: «Сжечь бы эту штуку! а? Очень это просто, сунул спички ей в пузо и готово... кстати и хлеб бы весь погорел... а? Ей-богу, погорел бы...» [12, т. 1, с. 412].

Степок ловчит и обманывает казаков, он нанялся у мужа и жены по отдельности, взял у каждого по рублю задатку, а ночью ушел из станицы, обманув доверчивых супругов. Работящие казаки вызывают ненависть и злобу, которая переносится и на механизмы, и на машины, помогающие им в нелегком труде. Маслов нанялся на молотилку, которая «стонет от жадности», она — «деревянный зверь». С первых минут работы Маслова одолевают злобные чувства: «Вертится, крутится, стучит... и все сама делает, а человек при ней дурак дураком... Обида! И чуть что — джик! церьт! Готово! Был человек,

а остались одни кусочки... Много я видал их! А главное дело, звереешь от них. Стоишь, стоишь — и дойдет до того, что так вот и хочется зло сделать!.. Без всякой причины, просто так, взял бы, да и разворотил что ни то... изничтожил бы... Так, знаешь, злоба заберет, что, кажется, малою ребенка зубами бы загрыз... Право. От этого самого фабричные и есть все сорванцы да сорви-головы... и убийства от этого» [12, т. 1, с. 404—405]. Ненависть Маслова по мере работы только растет, его одолевает желание «своротить ей <машине> челюсти». В итоге нервные, переполненные злобой движения Маслова приводят к тому, что его руку захватывает молотилка, его оттаскивают, он истекает кровью. Казачки причитают, жалеют человека, одна из них снимает с себя чистую нижнюю рубашку и перевязывает ею рану. Маслова увозят в больницу, но босяк продолжает причитать: «Родной души нет...» Что бы ни делали казаки, как бы ни помогали, они — чужие. Ненависть, исходящая от Маслова, в конечном счете его разрушает. В этом правда жизни, но работающие казаки от этого милее не становятся. Маслов так говорит о казаках: «Ах, и хорош здесь народ! не как у нас в России — выродки да заморыши...», но любить он их не может.

Верность исторической правде заставляет Горького описывать и щедрую милостыню казаков, и их гостеприимство, и справедливый суд, и веселые белые хаты, «пышно окутанные шелками садов», и убирающуюся к церковному празднику станицу. Но у «проходящего» другая задача — не соглашаться, но везде искать противоречия. Неприязнь к казакам, неприятие Бога и того, как Он устроил этот мир, нашли свое художественное выражение в образе пятикупольного храма одной из станиц: «Краснокирпичная церковь о пяти главах, с колокольной над папертью; наличники окон отштукатурены и покрашены желтой краской — церковь как будто слеплена из мяса, обильно прослоенного жиром, тень ее тучна и тяжела: храм, созданный сытыми людьми большому, спокойному богу» [12, т. 11, с. 125]. Описание церкви в станице ничего кроме отвращения вызвать не может:

Накануне Успенья все жители готовятся к празднику, суетятся, хлопочут. Утром праздничного дня благовест зовет в храм, «станция давно уже проснулась и солидно, невесело шумела» [12, т. 11, с. 148]. «Медленно бил колокол, и встречу нам со дворов выползали чисто одетые старики и старухи, пустынная улица оживала, коренастые хаты смотрели приветливее» [12, т. 11, с. 134]. Выбор рассказчиком слова «выползали» — свидетельство умеренных, мягко сказать, симпатий к чисто одетым старикам, идущим в храм. А вот слова Татьяны, героини рассказа «Женщина»: «Богато живут казаки, а не нравится мне как... — «Что — не нравится?» — «Скушно будто. Всего — много, а — скушно...» [12, т. 11, с. 145]. Какого веселья хотят рассказчик и его герои? Уж не того ли, которое упоминается еще в «Повести временных лет»: «Руси есть веселье пите, не можемъ бес того быти» [15, с. 62]. Слово «бес» в приведенной цитате вряд ли нуждается в комментариях.

Молокане. М. Горький все время подчеркивает этническую составляющую бродяг — они русские, причем самые что ни на есть настоящие. Характерен эпизод из рассказа «В ущелье», где вместе с бродягами на строительстве железной дороги работают и молокане.

Начиная с 1830-х гг. по декрету Николая I закавказские провинции стали заселять молоканами и духоборами. В своих путешествиях по Кавказу встречает их и М. Горький. Это трудолюбивые, не употребляющие ни бранных слов, ни вина, ни табака люди, вся их жизнь проходит в труде и молитве. Они не по душе бродягам. Персонаж из рассказа «В Ущелье» за «настоящий» русский народ их не признает: «Уважаю я, — начал он внушительно, — русский народ, настоящий, который работает на трудной земле. А которые здесь — что такое? Здесь жить просто: и всякого злаку больше, и земля легкая, благодущная, копнул ее — она и родит, и на — бери!» [12, т. 11, с. 163]. Мирные и честные молокане раздражают, их благочестивые песни наводят тоску, в авторском отступлении ясно выражена точка зрения самого

М. Горького: «Это пение, не мешая слышать плеск воды и шорох камня в мелком русле реки, было ненужно здесь и возбуждало досаду на людей, не умеющих найти песню, которая звучала бы в лад со всем живым, что вздыхает вокруг них» [12, т. 11, с. 161].

Полная трудов и забот жизнь молокан, подобно жизни казаков, тоже представляется скучной. Отношение к этим русским людям подытоживает Силантьев: «Не люблю я вас, эдаких вот, духовных... — Он крепко выругался. — И не с сатаной бороться надобно, а вот — с вами, воронье чертово! Мертвяки...» [12, т. 11, с. 176]. Не «в лад с жизнью» звучат голоса молокан на Кавказе. Вернувшиеся из ущелья рабочие принесли с собой четвертные бутылки водки, еду, начали живое «веселье»: сначала напились, потом «тянули пьяными голосами: Умру я те-омной ночью / Осеннею порой...», разбили в кровь лицо старику-молоканину, сломали новую пилу его сына, учинили насилие над женщиной, затеяли драку, и только убийство такого же, как сами, бродяги Силантьева остановило вакханалию и заставило всех успокоиться.

И повествователь, и его персонажи отказывают молоканам в самой возможности принадлежать к русскому народу (что же за русский без мата, курева и водки?). За «настоящим» русским не признается право на религиозные поиски и духовный труд, благочестие наводит тоску. Горький и его герои — люди плоти, духовного измерения для них не существует. Чтобы не дать повод думать иначе, в очерке о Л. Н. Толстом, написанном в этот же период, М. Горький поясняет: «Во избежание кривотолков должен сказать, что религиозное творчество я рассматриваю как художественное; жизнь Будды, Христа, Магомета — как фантастические романы» [10, с. 274].

Коренное население Кавказа. Отношение бродячего народа к коренному населению Кавказа, горцам, мало отличается от отношения к пустившим здесь корни казакам и молоканам: «Эки люди здесь несуразные, да страховидные» [12, т. 11, с. 15]. Так говорит орловка из рассказа «Рожде-

ние человека» (1912). Вот слова повествователя из рассказа «Женщина»: «На дворе, мощенном камнем, жарко, точно в печи. Висит над ним плоский и мутный квадрат пыльного неба. С трех сторон двор замыкают высокие серые стены, с четвертой — ворота, с какой-то страховидной надстройкой над ними.

Сверху через крыши непрерывно вливается глухой шум бешенных волн рыжей Куры, воют торговцы на базаре Авлабара — азиатской части города; пересекая все звуки, ноет зурна, голуби воркуют где-то... Я чувствую себя внутри барабана, а по коже его бьют множеством палок» [12, т. 11, с. 150]. Здесь, в тюремном дворе Метехского замка в Тифлисе повествователь встречает осужденного «по фальшивой монете» Конева. Преступление, за которое во все времена в любом государстве положено строгое наказание, тем не менее, не осознается персонажем как тяжкое. По его мнению, вина за осуждение на шесть лет в Сибирь лежит на местном населении: «В Кутаисе судили, у нас бы, в России, легче было... тут народишко дикой, злой народ, злодейский...» [12, т. 11, с. 151].

Появляются в рассказах и сами грузины. В Одессе М. Горький познакомился с грузинским князем Шахро Птадзе, о котором поведал в рассказе «Мой спутник». М. Горький решил помочь князю, проводив его до Тифлиса. «Когда мы пришли в Херсон, — повествует рассказчик, — я знал моего спутника как малюго наивно-дикого, крайне неразвитого, веселого — когда он был сыт, унылого — когда голоден, знал его как сильное, добродушное животное» [12, т. 1, с. 420]. Шахро рассказывал Горькому о «кавказской жизни, полной дикой красоты, полной огня и оригинальности. Эти рассказы, интересуя и увлекая меня, в то же время возмущали и бесили своей жестокостью, поклонением богатству и грубой силе» [12, т. 1, с. 42]. Князь обещал, по прибытии в Грузию, щедро наградить Горького: «“Я тэбэ устрою т-такую жизнь! Цце, цце! Вино будэшь пить — сколько хочэшь, баранины — сколько хочэшь! Жэнишься на грузинкэ, на толстой грузинкэ,

цце, цце, цце!.. Она тэбэ будэт лаваш печь, дэтэй родить, много дэтэй, цце, цце!”

Это “цце, цце!” сначала удивляло меня, потом стало раздражать, потом уже доводило до тоскливого бешенства. В России таким звуком подманивают свиней, на Кавказе им выражают восхищение, сожаление, удовольствие, горе» [12, т. 1, с. 422].

Не только люди гор, но и их песни напоминают каких-то диких животных: «Поют странную песню — вся она запутанная, точно моток шерсти, которым долго играла кошка. Тоскливо тянется и дрожит, развиваясь, высокая воющая нота, уходит все глубже и глубже в пыльное тусклое небо и вдруг, взвизгнув, порвется, спрячется куда-то, тихонько рыча, как зверь, побежденный страхом. Потом снова вьется змеєю, выползая из-за решетки на жаркую свободу» [12, т. 1, с. 150].

Сорок лет спустя М. Горький в своем приветствии газете «Заря Востока» вспоминал Тифлис как город, где началась его литературная работа [12, т. 25, с. 414]. Здесь в 1892 г., «во время первого своего пребывания в этом городе, Горький написал поэму “Девушка и смерть”, рассказ о “Маленькой фее и молодом чабане” (“Валашская сказка”), стихотворения “Это дивная рампа была”, “Как странники по большой дороге”, “Первая любовь”. Из песни, которую он слышал на Кавказе от бродячих базарных певцов, родилась поэма “Хан и его сын”. Опубликована она была в газете “Кавказ”» [23, с. 47]. Позже по впечатлениям от пребывания на Кавказе были написаны: очерки «Разбойники на Кавказе» [24, с. 58–72], «Праздник шиитов» [12, т. 23, с. 273–284], статья «О кавказских событиях» [12, т. 23, с. 337–340].

Этническое разнообразие Кавказа потрясло путешественников — современников М. Горького. Достаточно упомянуть имя Е. Л. Маркова (1835–1903), автора знаменитой книги «Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории», увидевшей свет в 1887 г. и выдержавшей не одно переиздание (1904, 1913). Автор не устает повторять, что

«Кавказ — это бесценный по богатству и разнообразию музей этнографических, археологических и естественно-исторических сокровищ всякого рода» [18, с. 5], истинно вавилонское смешение языков и обычаев, результат тысячелетнего влияния друг на друга различных племен.

На что же прежде всего обращен на Кавказе пылкий взгляд изучающего жизнь «проходящего»? М. Горький обращается к этническим конфликтам, вину за которые полностью возлагает на царское правительство. В статье 1905 г. «О кавказских событиях», где речь идет о конфликте между татарами и армянами в Баку 6—9 февраля 1905 г., настойчиво повторяется: «У всех нас — один враг». Вот один из примеров: «Все люди — татары, русские, армяне, и евреи, поляки, финны — все хотят одного — жить лучше, чем им живется. И у всех одинаково нет свободы, нет права жить сообразно племенным, религиозным и бытовым условиям своим. У всех нас — один враг» [12, т. 23, с. 340].

Писатель подробно описывает кровавые самоистязания верующих во время шиитского праздника, который он наблюдает из окон тюрьмы: так появляется документальный очерк-зарисовка «Праздник шиитов». Мысль Горького здесь идет устоявшимся руслом — направить «дивную мощь человека... на создание жизни, на творчество новых форм ее, может быть, *“поразили бы люди и демонов и сами боги удивились бы им”*», как это сказано в одной хорошей книге...» [12, т. 23, с. 277].

М. Горький присутствует при казни разбойников, узнает их истории, слушает рассказы казака Капитона Черного о разбойнике Кериме. Все эти впечатления позже, в 1896 г. поместила на своих страницах газета «Нижегородский листок» под общим названием «Разбойники на Кавказе». Заключают цикл о разбойниках размышления о необходимости переделки этих людей, правда, переделка эта задумывается как мягкая и любовная: «...сколько времени и мягких усилий — я говорю мягких, любовных усилий — нужно для того, чтобы укротить этих горцев, обесцветить их, охладить гордый пыл их

диких душ, вытравить из их обихода этот страшный взгляд на мужество, на жизнь и смерть?» [12, т. 24, с. 71].

Природа Кавказа. Красоты Кавказа пугают горьковских героев, привыкших к пейзажам среднерусской возвышенности. Служивший в Ташкенте калужанин, уже восьмой год бродяжничающий по Кавказу, «весь налитый каким-то мутным недовольством, ленивым отрицанием» [12, т. 11, с. 157], говорит: «“Это все земли неудобные для жилья... это для безделья земли. Тут и делать ничего не охота, просто — живешь разинув глаза, вроде пьяного. Жара. Духи-запахи, все одно как аптека або — лазарет...” <...> — “Ты бы шел домой, в Рязань”, — сказал я ему однажды. “Ну, там делать мне тоже нечего осталось”, — странно расставляя слова, сказал он сквозь зубы» [12, т. 11, с. 157–158].

Солдат, воевавший в Средней Азии, теперь скитается по горным дорогам: «Нельзя понять — что он любит, чего ищет? Обойдя весь Кавказ кругом от Хасав-Юрта до Новороссийска и от Батума до Дербента, трижды перевалив через хребет по Грузинской, Осетинской дорогам и по Дагестану, он говорит, неодобрительно усмехаясь: “Нагромоздил господь...” — “Не нравится?” — “Да — на что это? Лишнее все...” Медленно ворочая жилистой шейей, он оглядывается, добавляя: “И леса не такие”» [12, т. 11, с. 156].

Все здесь чуждо, враждебно, грозит смертельной опасностью — и непривычное солнце юга: «Все это русские — из центральных губерний, они дочерна сожжены непривычным солнцем юга» [12, т. 11, с. 126], и фрукты: «В Сухуме у нее помер муж — объелся фруктами» [12, т. 11, с. 9], и морская вода: «...а вода — незнакомая... Что это за вода? И солена и горька...» [12, т. 11, с. 15], и лихорадка: «Лихорадки, наверно, живут здесь здоровенные...» [12, т. 11, с. 159].

Лихорадка действительно была широко распространенным заболеванием на Кавказе, порой опустошавшим хутора переселенцев. М. Горький отмечает это неоднократно: «Потом косоглазая баба заболела лихорадкой и ее снесли в город на носилках из брезента — она тряслась в них и мычала,

словно продолжая петь свою песню о погосте и песочке» [12, т. 11, с. 10]. Положение с заболеваниями малярией на Кавказе было очень серьезным: «местные войска в некоторых зараженных участках (местах стоянок) в 3—4 года совершенно вымирали» [14, с. 512].

Персонажи Горького часто говорят о том, что их, русских, на Кавказе не любят. Характерен диалог из рассказа «В ущелье»: «“Они нас не любят”. — “Кого — нас?” — “А вот — тебя, меня. Русских”. <...> — “А русских здесь никто не любит и — за дело, плохой все народ валится сюда из России...» [12, т. 11, с. 161]. И ниже в этом же рассказе: «Вот то-то и оно: ни с кем не согласны мы, а своего устава у нас нету. Живем без корней, ходим из стороны в сторону, да всем мешаем, за то нас и не любят...» [12, т. 11, с. 164].

Действительно, трудно полюбить народ, шатающийся без дела, пьянствующий, ворующий и обманывающий, учиняющий драки и скандалы, матерящийся и не ставящий ни в грош местное население. А что же сам повествователь? Что же Максим Горький? Как сам писатель реагировал на все, что видел вокруг?

Ключевой для понимания творчества М. Горького является фраза «Я в мир пришел, чтобы не соглашаться» из уничтоженной после критики В. Г. Короленко юношеской поэмы «Песнь старого дуба». Эта фраза объясняет доминирующую в произведениях писателя синтаксическую конструкцию с противительным союзом «но». Примечательно, что во всех пассажах, где говорится о красоте природы, обязательно появляется знакомая конструкция: да, величественно, да красиво, но... Приведем пример из экспозиции к рассказу «Женщина»: «Осенью на Кавказе — точно в богатом соборе, который построили великие мудрецы — они же всегда и великие грешники, — построили, чтобы скрыть от зорких глаз совести свое прошлое, необъятный храм из золота, бирюзы, изумрудов, развесили по горам лучшие ковры, шитые шелками у тюркмен, в Шемахе, ограбили весь мир и все — снесли сюда, на глаза солнца, как бы желая сказать ему: Твое —

от Твоих — Тебе» [12, т. 11, с. 8]. Здесь «великие мудрецы» — контекстуальный синоним «великих грешников», а богатство природного храма — результат ограбления всего мира. Цель? — Войти в сговор с совестью и скрыть свое греховное прошлое. Обращает на себя внимание использование возгласа из православной Божественной литургии. Традиционно обращенные к Богу, эти слова произносит священник во время евхаристического канона: «Твоя от твоих, Тебе приносяще о всех и за вся».

У Горького — это апелляция к солнцу, которое писатель не только олицетворяет, но и обожествляет (об этом свидетельствуют заглавные буквы в местоимениях). Горький упоен красотой, его сердце волнуется в восторге, оно преисполнено благодарностью солнцу, столь много сделавшему для мира. Рассказчик восклицает: «Превосходная должность — быть на земле человеком, сколько видишь чудесного, как мучительно сладко волнуется сердце в тихом восхищении перед красою!»

Ну, да — порою бывает трудно, вся грудь нальется жгучей ненавистью и тоска жадно сосет кровь сердца, но (курив наш. — О.С.) это — не навсегда дано, да ведь и солнцу, часто, очень грустно смотреть на людей: так много потрудились оно для них, а — не удалась *людишки*... (курив наш. — О.С.).

Разумеется, есть немало и хороших, но — их надобно починить или — лучше — *переделать заново*» (курив наш. — О.С.) [12, т. 11, с. 8].

Проект «Человек». Мысль о необходимости «переделать заново» людей — это лейтмотив, который звучит из рассказа в рассказ: «Все та же дума со мною — верная мне, как собака, она никогда не отстает от меня: “Разве для этих людей дана прекрасная земля?”» [12, т. 11, с. 43]; «Русь изобилует неудавшимися людьми» [12, т. 11, с. 48]. Солнце у Горького обижено — столько потрудились, а люди не удалась. Иными словами, проект «Человек», с точки зрения Горького, оказался малоуспешным и несчастливый. Ничтоже сумняшеся, писатель

рассуждает на эту тему часто и пространно. Следует отметить, что и знаменитое высказывание М. Горького «Человек — это звучит гордо!» на самом деле — отрывок из двусмысленной полупьяной речи Сатина из пьесы «На дне» (1902): «Человек! Это — великолепно! Это звучит... гордо! Человек! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо! Выпьем за человека, Барон! (Встает.) Хорошо это... чувствовать себя человеком!.. Я — арестант, убийца, шулер... ну да! Когда я иду по улице, люди смотрят на меня как на жулика... и сторонятся, и оглядываются...» [12, т. 6, с. 170]. Контекст высказывания дает повод для противоречивых толкований. Как, впрочем, и вся философия М. Горького о Человеке.

Будущий человек еще не явился, а того, кто есть, любить не за что. Примечателен в этом отношении диалог между Калининым из одноименного рассказа и автором-повествователем: «“Никому, кроме Бога не обязан. Ежели сносить неприятности, так лучше от него, а не от себе подобного...” — “Ты, видно, не очень любишь себе подобного-то?” — “Возлюби ближнего твоего, яко собака палку, — ответил он, а помолчав, спросил: “За что его любить?” Я тогда тоже не знал — за что» [12, т. 11, с. 195]. Похоже, что М. Горький до конца жизни для себя этот вопрос так и не решил. Рассказ «Калинин» (1913) завершается романтически-возвышенным пассажем: «Иду во тьме и сам себе свечу; мне кажется, что я живой фонарь, в груди моей красным огнем горит сердце, и так жарко хочется, чтобы кто-то боязливый, заплутавшийся в ночи — увидал этот маленький огонь...» [12, т. 11, с. 206]. Читателю, знакомому с творчеством Горького, здесь ясно видится образ Данко из третьей части рассказа «Старуха Изергиль» (1895), правда, совершенно не ясно, куда может повести «живой фонарь», однако отчетливо слышны ницшеанские мотивы, что уже стало предметом рассмотрения в литературоведении [2; 13].

Продолжая следовать с писателем «По Руси», читаем рассказ «Губин» (1912), в котором те, кто живет оседлой

жизнью — «зимние люди» — сравниваются с незадавшими бродягами, которые все равно лучше — вдумчивее и живее: «В плотной, скучной и жуткой массе этих зимних людей неудавшийся человек очень резко бросался в глаза: он — вдумчивей, живее, у него более острое зрение, он — умел заглянуть за скучные пределы обычного и привычного, у него емкая душа, и всегда она хочет быть полной. В нем есть стремление к простору, он любит светлое и сам как будто светится...»

Здесь снова появляется заветное горьковское «но»: «Да, светится, но чаще всего — обманчивым светом гнилушки: присмотревшись к нему, понимаешь — с досадой и горькой печалью, что это лентяй, хвостун, человек мелкий, слабый, ослепленный самолюбием, искаженный завистью, а расстояние между словом и делом у него еще глубже и шире, чем у зимнего человека, который хотя и медленно, как улитка, но все же ползет куда-то по земле, тогда как неудачник вертится на одном месте, точно бесплодная старая дева перед зеркалом...» [12, т. 11, с. 47–48]. И «зимние» нехороши, но и «неудавшиеся» не лучше — гниют.

М. Горький из рассказа в рассказ повторяет мысль о том, что людей нужно переделать. Он ставит перед собой задачу пересоздать человека и мир, и вовсе «не по “образу и подобию Божию”, а на основании собственного художественного о нем представления. Словно Творец ошибся в каких-то изначальных расчетах или недостаточно потрудился — всего-то шесть дней! И вот необходимо исправить Его досадный промах» [3, с. 59]: «Когда жизнь неприглядна и грязна, как старое, засоренное пожарище, приходится чистить и украшать ее на средства своей души, своей волей, силами своего воображения — вот к чему я пришел наконец» [12, т. 11, с. 311].

По М. Горькому, души, которые создал Господь, настолько пугливы и малы, что не выдержат встречи со своим Творцом. Воображая себя равным Демиургу, Горький «подслушивает» беседу Богородицы со своим Сыном и ему, «проходящему», за Сына стыдно! Вот рассуждения пове-

ствователя из рассказа «Покойник» (1913): «Мне кажется, что душа у нее серенькая, как чечетка, и пугливая такая же. Когда она прилетит к престолу богоматери, и та протянет к ней свою белую, нежную, добрую руку, — эта маленькая душа встрепенется вся, взмахнет короткими крыльями и в радостном испуге умрет.

Тогда богоматерь тихо скажет сыну своему: “Вот, до чего запуганы люди твои на земле и как непривычна им радость! Хорошо ли это, сыне мой?” А что он ответит ей? Не знаю. Я бы на его месте отчаянно сконфузился» [12, т. 11, с. 220].

Самую «лучшую беседу человека с богом» М. Горький подслушал в молитве Иванихи (рассказ «Знахарка»), которая укоряет и стыдит Христа: «Ая-яй, Христос, ая-яй... Стыдно, Христос! <...> Э, Христос...» [12, т. 15, с. 201–202].

Переделка «людишек». М. Горький неровен, это отмечают многие исследователи его творчества, об этом писали еще современники писателя, читавшие все, что выходило из-под его пера: «У него рядом с произведениями, носящими печать несомненного таланта, стоят другие, неуклюже картонные, искривленные, придуманные, и притом плохо придуманные. Иногда он выходит из облюбованной им босяцкой среды и пускается либо в туманную фантастику, с напускной философичностью, либо в описание жизни, им недостаточно наблюдавшейся» [30]. Подобное мнение о творчестве Горького высказывал и А. П. Чехов, который высоко ценил ранний рассказ «На плотях», выделяя его среди других произведений писателя. Близки Чехову также были рассказы «В степи», «Мой спутник», но романтические рассказы Горького, наряду с такими крупными произведениями, как «Фома Гордеев» и «Трое», вызывали критику А. П. Чехова [26]. Дружбы у писателей не получилось, да и не мудрено — уж очень они разные [16; с. 27].

Признания в жалости и любви к Человеку с самых первых рассказов М. Горького перемежаются с признаниями в ненависти к людям и с неоднократно высказанным желанием всех переделать. Человек воспринимается часто как диссонанс

с прекрасной природой вокруг него: «В лугах — яркая заря; небо, расписанное жирными пятнами золота и багрянца, оскорбительно великолепно по сравнению с темными растрепанными людьми. <...> Хочется спросить кого-то, спросить гневно: “Зачем все это? Кто смеется над людьми, искажая их?”» [12, т. 11, с. 257–258]. Характерен пассаж из рассказа «Книга» (1915): «Смешно вспомнить об этом теперь, но в те дни я искренне страдал и боялся чего-то, потому что в груди порою вскипала такая ненависть к человеку, что от нее кружилась голова и перед глазами мелькали красные пятна» [12, т. 11, с. 288].

Перестройка мира — бессменная тема разговоров М. Горького со всеми людьми, которые ему встречаются на пути: «Ели уху, приготовленную рыбаками, пили водку и пиво, сидя вокруг костра; спорили о том, как скорее и лучше перестроить мир» [12, т. 11, с. 306]. Впоследствии герои М. Горького готовы положить на алтарь идеи любого. И. Н. Сухих в статье «Между Марксом и Богородицею (1906–1907. “Мать” М. Горького)», называя роман «горькой историей о том, как нищих опять провели. Гремучей смесью, странной и причудливой книгой, скрестившей ужа с ежом, реальность с утопией, прозрение с исторической близорукостью, Маркса с Богородицею» [31, с. 59], размышляет о неизменных призывах к кровопролитию, которые звучат из уст персонажей: «Мучительный “достоевский” вопрос о праве на “кровь по совести” уже решен героями Горького. Андрей Находка, апостол Андрей, противопоставленный, по авторскому замыслу, железному человеку Павлу своей добротой, после убийства мелкого доносчика Горбова на прямой вопрос, мог ли убить он сам, отвечает: “За товарищей, за дело — я все могу! И убью. Хоть сына...” И дальше удивительно логично объясняет: “Приходится ненавидеть человека, чтобы скорее наступило время, когда можно будет только любоваться людьми. Нужно уничтожать того, кто мешает ходу жизни, кто продает людей за деньги, чтобы купить на них покой или почет себе”. <...> “Пусть умрут тысячи, чтобы воскресли

тмы народа по всей земле!” — декламирует Рыбин при полном авторском сочувствии» [31, с. 55].

Активное участие М. Горького в революционной борьбе, полная солидарность с провозгласившими: «Весь мир насилия мы разрушим до основанья, а затем...» вполне последовательно и логично сделали писателя идейным вдохновителем «переделки людишек».

Воспоминания о днях красного террора сохранили свидетельства о деятельной помощи М. Горького близким и дальним. «Несвоевременные мысли» (1917—1918) были реакцией на ужасы, свидетелем которых Горький стал. Благородный пафос «Несвоевременных мыслей» заставляет исследователей оценить это сочинение писателя как спасительное для его репутации и обеспечивающее ему бессмертие [5, с. 157]. Но, как многое в жизни и деятельности М. Горького, здесь не все однозначно и имеет свою оборотную сторону. Зачастую обращение Горького к властям только ускорило расправу над невинными людьми. Такие случаи документированы. Так, например, пока Горький ехал в январе 1919 г. в Петроград с письменным разрешением взять великих князей на поруки, из Москвы по телефону поступил приказ поскорее расстрелять ни в чем не повинных князей, что и было сделано «29 января 1919 г. “в порядке красного террора” и в ответ на “злодейское убийство в Германии товарищей Розы Люксембург и Карла Либкнехта”, как официально сообщалось в прессе» [9, с. 117].

По воспоминаниям М. Осоргина, «Горький был открытым врагом активного большевизма и печатно называл Ленина и других “слепыми фанатиками и бессовестными авантюристами, которые, сломя голову, мчатся по пути к “социальной революции”, а на самом деле это путь к анархии и к гибели пролетарской революции”. О себе самом он тогда писал: “На празднике, где будут торжествовать свою легкую победу деспотизм полуграмотной массы, и как раньше, как всегда личность человека останется угнетенной, мне на этом празднике” делать нечего и для меня это не “праздник”.

Но прошло несколько лет, правда — не мало, и Горький не только принял ближайшее участие в этом “празднике”, но назвал Ленина “Человеком” с большой буквы, Дзержинского (главу ГПУ) “золотым сердцем”, а по поводу сталинских расстрелов в 1931 году писал, что *“расстреляна, в сущности, полсотня гнуснейших преступников”* и что *“волноваться по этому поводу не приходится”*, — среди расстрелянных были личные друзья Горького» [20, с. 544].

В 1924 г., отзываясь на смерть Ленина из-за границы, Горький пишет: «Невозможен вождь, который — в той или иной степени — не был бы тираном... Вероятно, при Ленине перебито людей больше, чем при Уот Тайлоре, Фоме Мюнцере, Гарибальди. Но ведь и сопротивление революции, возглавляемой Лениным, было организовано шире и мощнее. К тому же надо принять во внимание, что с развитием “цивилизации” ценность человеческой жизни явно понижается...» [10, с. 413]. И далее: «Жизнь устроена так дьявольски искусно, что, не умея ненавидеть, невозможно искренно любить. Уже только одна эта, в корне искажающая человека необходимость раздвоения души, неизбежность любви сквозь ненависть осуждает жизнь на разрушение» [10, с. 417].

Внимательный читатель дореволюционных рассказов М. Горького вряд ли удивится радости, с которой в 1929 г. канонизированный при жизни писатель наблюдал плоды перекройки людей в Соловецком лагере [31]. Полностью о результатах исправительно-трудовой политики можно прочесть в книге «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства», вышедшей в 1934 г. под редакцией М. Горького, Л. Л. Авербаха, С. Г. Фирина. В главе первой «Правда социализма», написанной Горьким, в частности, говорилось: «...исправительно-трудовая политика, сведенная в систему воспитания проповедью единой, для всех спасительной правды социализма и воспитания общественно-полезным трудом, — еще раз блестяще оправдала себя. Она была оправдана и раньше в многочисленных трудовых

колониях и коммунах ГПУ, но эту систему “перековки” людей впервые применили так смело, в таком широком объеме. Пролетариат-диктатор еще раз получил неоспоримое право заявить: я борюсь не для того, чтоб убить, как это делает буржуазия, а для того, чтобы воскресить трудовое человечество к новой жизни, я убиваю только тогда, когда уже нет возможности вытравить из человека его древнюю привычку питаться плотью и кровью людей» [7].

1930 г. ознаменован публикацией в газете «Правда» статьи Горького «Если враг не сдается, — его уничтожают» (1930. 15 нояб.). В тот же день под заглавием «Если враг не сдается, — его истребляют» статья опубликована в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК». Тематические слова статьи, почти все глаголы в повелительном наклонении не дают возможности интерпретировать ее иначе, чем это сделал И. В. Сталин в последующие годы своего правления: *создать, сделать невозможным, уничтожить, разоблачить, вытравить, драться* и т.д.

Неизданная переписка с И. В. Сталиным лишней раз подтверждает, что позиция «пролетарского» писателя об истреблении врагов была хорошо продумана, и статья написана вовсе не под влиянием момента. «Врага надобно или уничтожить, или перевоспитать, — пишет А. Пешков И. В. Сталину из Сорренто 12 ноября 1931 г. о судьбе М. А. Булгакова. — В данном случае я за то, чтобы перевоспитать. Это — легко» [9, с. 289].

В письме М. Горького В. И. Ленину периода «Несвоевременных мыслей» (после 17 — не позднее 24 июля 1921 г.) уже сформулирован тезис о внутренних врагах, которые, как «наследие старого мира», продолжают вредить социальным преобразованиям: «В социальном организме пагубную роль болезненных бацилл играют негодяи и жулики. Вы знаете, что во всяком деле есть свои жулики, что их особенно много в грандиозном деле нашей революции, — вполне естественное “наследие старого мира”, который по существу своему является сплошным жульничеством.

С некоторого времени я убеждаюсь, что у нас, на Советской Руси, хитроумно и ловко действует некая черная, но невидимая жульническая рука. Ее работа чувствуется всюду, где начинает удачно развиваться какое-либо серьезное, хотя бы и маленькое дело» [9, с. 111].

Д. Л. Быков категорически возражает против попыток показать М. Горького антиподом И. В. Сталина: «Горький не просто не возражал против этого режима — он дал ему логику, лексику, выдумал универсальное обоснование, и этот его путь вполне логичен: он был не из тех, кто изменяет своим принципам, и всякая перемена личных взглядов давалась ему мучительно. Как он решил в двадцатых, что нет силы, кроме большевиков, которая была бы способна спасти Россию, — так с этой платформы никуда и не сдвинулся» [5, с. 227–228].

Пролетарский писатель, Кубань и Кавказ. Слово *пролетарский*, скорее всего, следовало бы взять в кавычки. Горьковедение сегодня все чаще высказывает мысль, что позиционирование М. Горького как писателя пролетарского не имеет под собой оснований, пролетариат так и не стал главным героем его произведений, а рабочая тема — основной. Любимыми героями Горького оставались босяки и выходцы из мещанского и купеческого сословия. Справедливости ради, впрочем, следует отметить, что произведения М. Горького были очень популярными среди рабочих. Не был А. М. Пешков пролетарием и по своему социальному происхождению. Статья в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, на которую ссылались многие писатели-эмигранты, однозначно говорит, что «по своему происхождению П. отнюдь не принадлежит к тем отбросам общества, певцом которых он выступил в литературе. Апологет босячества вышел из вполне буржуазной среды. Рано умерший отец его из обойщиков выбился в управляющие большой паровой конторы; дед со стороны матери, Каширин, был богатый красильщик. В 7 лет П. остался круглым сиротой, а дед начал разоряться, и для заброшенного, почти не знавшего ласки мальчика

наступила та эпопея скитаний и тяжелых невзгод, которая побудила его избрать символический псевдоним *Горького*» [6, с. 497].

Среда, в которой писатель вырос и сформировался, до конца оставалась наиболее понятной и близкой. Цикл рассказов «По Руси», пьесы «Мещане» и «На дне», трилогия «Мои университеты», романы «Дело Артамоновых» и «Жизнь Клима Самгина», «Заметки из дневника» и воспоминания, позже объединенные в «Книгу о русских людях», навсегда вписали имя писателя в историю русской и мировой литературы. По мнению П. В. Басинского, «Горького невозможно вычеркнуть из русской литературы. Останется белое пятно, которое не заполнишь ничем» [3, с. 54]. В. Набоков, которого никаким образом нельзя заподозрить в симпатиях к современному ему советскому государству — «стране моральных уродов, улыбающихся рабов и тупоголовых громил» [21, с. 431], заключил свою главу о М. Горьком такими словами: «Художественный талант Горького не имеет большой ценности. Но он не лишен интереса как яркое явление русской общественной жизни» [21, с. 420].

Кубань и Кавказ присутствовали у Горького как мифотопонимы (рассказ «На плотках»), о чем мы уже писали в отдельной статье [28], но реальная Кубанская область, Кавказ и люди, населявшие эти места, были чужды писателю, он мечтал об их полной переделке, как, впрочем, и о переделке всего крестьянства, ненависть к которому испытывал всю жизнь. Как пишет П. В. Басинский, тогда в эмигрантской прессе в связи с появлением статьи Горького (ее называли памфлетом) «О русском крестьянстве» (1922) родилось слово *народозлобие* [4, с. 376]. Д. П. Святополк-Мирский пишет о двух политических выступлениях Горького в 1920-е гг.: это «его статья (1920) о Ленине, которого он расхваливает до небес как великого рационального созидателя идеального будущего, — чей единственный недостаток: уж слишком хорош для грубого и ленивого русского народа; и его памфлет (1922) о русском крестьянстве, где он с необычайной горе-

чью осуждает этот класс как средоточие всех пороков, как класс, не принимавший участия в построении национальной цивилизации и недостойный своих нынешних хозяев-интернационалистов» [25, с. 579].

В статье «В. И. Ленин» Горький указывает на «основное препятствие на пути России к европеизации и культуре» — это «преобладание безграмотной деревни над городом, зоологический индивидуализм крестьянства» [10, с. 420]. Именно крестьяне, по мнению М. Горького, те внутренние враги, которые ополчились против «нас» внутри страны, это те враги, которые «организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-коллективистов убийствами, поджогами, различными подлостями, — против нас все, что отжило свои сроки, отведенные ему историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдается, — его истребляют» [8].

Обратим внимание, что если крестьяне и казаки не вполне люди, ведь им присущ «зоологический индивидуализм», то понятно, что единственное средство себя обезопасить — это их истребить. Возможно, слово «истребить» пришло в статью М. Горького из публицистики того времени, а возможно, он был знаком с документом «Ко всем ответственным товарищам, работающим в казачьих районах», подписанным 29 января 1919 г. Я. М. Свердловым, где, в частности, говорилось: «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью» [Цит. по: 22, с. 460].

Казачество, понимавшееся как анархическая и архаичная форма организации русского народа, предназначалось М. Горьким, как и крестьянство, к уничтожению и замене новым племенем «грамотных, разумных, бодрых людей» [11]. Что стало результатом такой «чистки Авгиевых конюшен» [11] в СССР, показала кровавая история страны в XX в.

Сегодня мы уже не можем воспринимать слова М. Горького о переделке «людишек», не вспоминая кошмар ГУЛАГа. Разговоры о том, что М. Горький многое сделал для советской культуры и о его помощи писателям, безусловно, имеют под собой основания живые свидетельства тех, кто сразу после Октябрьской революции сел за переводы иностранной литературы и получил облегчение в своих страданиях от голода и разрухи [1]. М. Горький «играл избранную им роль защитника культуры и цивилизации в полную меру своих возможностей. Русская культура в большом долгу перед ним. Все, сделанное между 1918 и 1921 гг., чтобы спасти писателей и других интеллигентов от голода, — было сделано благодаря Горькому» [25, с. 579]. Написавший эти строки Д. П. Святополк-Мирский, не мог также не отметить, что чрезвычайные обстоятельства в жизни страны наступили именно вследствие активного революционного радикализма М. Горького, его ближайших политических соратников и друзей. Буря грянула, но «буревестник революции» посчитал более удобным наблюдать ее из-за границы. В 1921 г. писатель уехал из Советской России в Германию, затем в Италию. Приезжал погостить в СССР в 1928 г., в результате появился еще один цикл очерков, только теперь уже «По Союзу Советов».

На Юге России, как и везде, где он бывал во время своих путешествий, М. Горького прежде всего интересовала ситуация конфликта, в которой можно было указать на врага — царскую власть, и призвать к революционной переделке жизненных устоев и «людишек», сформированных ими. И если христианский аскетический идеал Ф. М. Достоевский выражает словами «смирись, гордый человек», то М. Горький предлагает языческий вариант бесконечного самоутверждения за счет врага. «Герои ранних рассказов Горького, в отличие от традиционных русских типов “маленьких” и “лишних” людей, прежде всего экспансивны. <...> Наличие врага необходимо им, как воздух, в иной атмосфере они задыхаются. <...> Любовь и вражда — две стороны одной медали;

чем сильнее любовь, тем сильнее и вражда. Радда и Зобар не могут любить иначе, чем стремясь победить один другого, подчинить себе волю и душу соперника. <...> Единственное примирение состоит в радости взаимного уничтожения» [2, с. 28–29]. Традиционная мораль в рассказах подвергается намеренной эстетической дискредитации. Так, вор Челкаш одерживает моральную победу над крестьянским парнем, а проституирующая Мальва предстает воплощением свободного духа, посрамляя зоологический инстинкт собственника в выходцах из крестьянской среды — Якове и его отце. Как пишет современник М. Горького С. Венгеров, «кардинальная черта марксизма — отказ от народнического благоговения перед крестьянством — красною нитью проходит через все первые рассказы Г. Ему, певцу безграничной свободы, противна мелкобуржуазная привязанность к земле. Устами наиболее ярких героев, своих — Пыляя, Челкаша, Сережки из “Мальвы” — он не стесняется даже говорить о мужиках с прямым пренебрежением. <...> Если прежний демократизм русской литературы был порывом великодушного отказа от прав и привилегий, то в произведениях Г. пред нами яркая “борьба классов”. Певец грядущего торжества пролетариата нимало не желает апеллировать к старонародническому чувству сострадания к униженным и оскорбленным. Перед нами настроение, которое собирается само добыть себе все, что ему нужно, а не выклянчить подачку» [6, с. 500].

В заключение следует сказать, что ранние рассказы, написанные после пеших путешествий по Руси, включая Кубань и Кавказ, созданы по велению сердца, они — лучшее, что написал М. Горький. Драма его жизни в целом является драмой утопического сознания, запутанного мировоззрения, колебавшегося между верой в Человека и уверенностью в абсолютном детерминизме социальной среды, между желанием переделать и уничтожить тех, кто не желает «переделки», и «органическим отвращением ко всему, что грязно, подло, лживо, грубо, что унижает человека и заставляет его страдать» [10, с. 503], между цитированием писем простых лю-

дей, где культура признается понятием религиозным [10, с. 467], и полным отрицанием не только христианства и любой религиозной системы, но и Бога вообще.

Использованная литература

1. Басинский П. В. В споре души и разума. Воспоминания и публицистика М. Горького // Горький М. Книга о русских людях. М.: Вагриус, 2007. С. 5–10.
2. Басинский П. В. К вопросу о «нищешанстве» М. Горького // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 4. С. 26–33.
3. Басинский П. В. Странный Горький. Три этюда о М. Горьком // Скрипач не нужен. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. С. 52–77.
4. Басинский П. В. Страсти по Максиму: Горький: девять дней после смерти. М.: АСТ: Астрель, 2011.
5. Быков Д. Л. А был ли Горький? М.: Молодая гвардия, 2017.
6. Венгеров С. Пешков // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Дополнительный том 2. СПб.: Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, Прачешный пер. № 6, 1907. С. 497–502.
7. Горький М. Глава первая. Правда социализма [Электронный ресурс] // 36 советских писателей. Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства (фрагмент). URL: <http://lib.ru/DIALEKTIKA/belomorkanal.txt> (дата обращения: 06.03.2018).
8. Горький М. Если враг не сдается, его уничтожают [Электронный ресурс] // Правда. 1930. 15 нояб. URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-344.htm> (дата обращения: 05.04.2018).
9. Горький М. Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко. Сер.: М. Горький. Материалы и исследования. Вып 5. М.: Наследие, 1998.
10. Горький М. Книга о русских людях. М.: Вагриус, 2007.
11. Горький М. О русском крестьянстве [Электронный ресурс] // Русская жизнь. URL: <http://gulife.ru/old/mode/article/68&print> (дата обращения: 06.03.2018).
12. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1949–1955.
13. Еремина И. Ф. М. Горький и П. Славейков (Черты нищешанства в образах романтических героев) // Неизвестный Горький. Материалы и исследования. Коломна, 1995. С. 206–214.

14. Игнатъев В. Малярія // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 18^А. СПб.: Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, Прачешный пер. № 6, 1896. С. 511–514.

15. Изборник (Сборник произведений древней Руси). М.: Худ. лит. 1969.

16. Катаев В. Б. Горький // А. П. Чехов. Энциклопедия. М.: Просвещение, 2011. С. 483–485.

17. Кубань литературная: антол. / авт.-сост. Н. Д. Назаров; под ред. В. К. Богданова. Краснодар: Советская Кубань, 2002. Т. 1.

18. Марков Е. Л. Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории. Вып. 9: Кавказ: Музей мировой истории. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2011.

19. Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. Б/м. Платонов И., 2013.

20. М. Осоргин о Горьком. Вступ. статья, подготовка текста и примечания И. А. Бочаровой // Публицистика М. Горького в контексте истории. Сер.: М. Горький. Материалы и исследования. Вып. 8. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 540–559.

21. Набоков В. Лекции по русской литературе. СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010.

22. Овчинников С., протоиерей Судьбы кубанского казачества в 20–30-е годы XX века: религиозно-символический аспект // Язык. Личность. Культура: сб. науч. тр. Краснодар: Просвещение-Юг, 2015. Кн. 2. С. 459–471.

23. Очерковый цикл М. Горького «Разбойники на Кавказе». Вступ. статья, подготовка текста и примечания И. В. Киреевой // Публицистика М. Горького в контексте истории. Сер. М. Горький. Материалы и исследования. Вып. 8. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 46–72.

24. Публицистика М. Горького в контексте истории. Сер. М. Горький. Материалы и исследования. Вып. 8. М.: ИМЛИ РАН, 2007.

25. Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2014.

26. Серебров-Тихонов А. О Чехове // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Худ. лит., 1986. С. 583–596.

27. Смирнова Л. Н. Страницы творческой дружбы (Чехов и Горький) // Чехов и его время. М.: Наука, 1977. С. 176–183.

28. Спачиль О. В. Максим Горький и Кубань // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: сб. науч. тр. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. С. 169–182.

29. Степанов Л. А. «Быть на земле человеком...» // Горький М. Рождение человека: рассказы / сост., предисл., примеч. Л. А. Степанова. Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1985. С. 5–14.

30. Стечкин Н. Я. Максим Горький, его творчество и его значение в истории русской словесности и в жизни русского общества [Электронный ресурс]. СПб.: Типо-литография В. В. Комарова, 1904. URL: gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/kritika/stechkin-gorkij/glava-chetvertaya.htm (дата обращения: 11.03.2017).

31. Сухих И. Н. Между Марксом и Богородицею (1906–1907. «Мать» М. Горького) // Сухих И. Н. Русский канон: книги XX века. М.: Время, 2013. С. 41–59.

32. Шохина В. Роман о Беломорканале. 80 лет назад увидела свет книга «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства [Электронный ресурс] // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-rovestka/Roman-o-Belomorkanale> (дата обращения: 06.07.2018).

Olga V. SPACHIL

Cand. Sci. (Germanic Languages), Assoc. Prof.,
Department of English Philology, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
spachil.olga0@gmail.com

Kuban and the Caucasus in M. Gorky's Fiction and His "Through Russia" Stories

Stories written by M. Gorky after he roamed across Russia, Kuban and the Caucasus, were published throughout the writer's life. These stories are part of M. Gorky's most important creative heritage and give a clear idea of his creative method and worldview. We see Kuban and the Caucasus through the eyes of tramps, vagabonds, drifters and through the eyes of the narrator who is openly autobiographical. Fertile lands and their wonderful vastness, according to M. Gorky, are given to the wrong people, that is why those humans should be remade, changed. The aboriginal population of the Caucasus should be "discolored", "tamed" "the proud ardor of their wild souls should be cooled". The narrator does not conceal his sympathies — his favors are with the tramps. M. Gorky creates memorable images of free human beings who are under no obligation or duty. As pieces of fiction, these stories are among the writer's best creations.

Keywords: M. Gorky, Kuban, the Caucasus, fiction, "Through Russia" stories, Cossacks, tramps and vagabonds.